

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII вв.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2015

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

К.Л. Козюрёнок

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© Несин М.А.

MILHIST

INFO

Несин М.А. Борьба за Смоленск в XV веке

События 1401 года.

Взятие Смоленска в 1404 году

"Замятня" 1440 года

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. Борьба за Смоленск в XV веке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2015. - Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. – С. 1-34 <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015)

www.milhist.info

2015

М.А. Несин

БОРЬБА
ЗА СМОЛЕНСК
в XV веке

События 1401 года

Войны Смоленска с Литвой в начале XV в., окончившиеся захватом города Витовтом летом 1404 г., часто упоминаются в трудах историков, но исследователи обычно ограничиваются кратким пересказом событий, основанным на избирательно привлеченных источниках. Примером тому являются труды Л. В. Черепнина¹ и А. Ю. Дворниченко², где не использовались даже данные Никоновской летописи. Ученых обычно более всего занимали такие вопросы, как ход присоединения края к Литве, отношение к этому смолян, иногда — позиция московских князей. Но попытки комплексного анализа источников до сих пор сделано не было.

Литва к тому времени стала достаточно сильным и влиятельным государством в Восточной Европе, включив в свой состав немало бывших древнерусских земель. Великий князь Витовт уже не в первый раз пытался захватить Смоленск и 28 сентября 1395 г. даже занял его. Но летом 1399 г. он потерял много сил в битве на Ворскле с татарами. Прежний смоленский князь Юрий Святославович, из давней смоленской княжеской ветви Ростиславичей, вместе со своим тестем и союзником Олегом Рязанским воспользовались этими обстоятельствами и в августе 1401 г. подошли к городу.

О смоленских событиях начала XV столетия известно как из памятников российского летописания, так и из источников, составленных в Великом княжестве Литовском. Одна версия представлена в Никоновской летописи³. Хотя *«вопрос об уникальных записях Ник. по истории Смоленской земли... не может иметь однозначного решения»*⁴, вероятно их московское происхождение — как мы увидим ниже, в этой летописи, как ни в каком другом источнике, особо проявляется сочувственное отношение к великому Московскому князю Василию I. Между тем, в XVI в., когда эта летопись составлялась, он не был особенно популярен, оставшись как бы в тени своего прославленного отца Дмитрия Донского, а также, пожалуй, сына, Василия II, и тем более, внука, Ивана III. Не исключено, что хронист воспользовался аутентичным московским летописным памятником XV в., не вошедшим в состав остальных московских сводов.

4Другая версия изложена в остальных русских летописях, а также летописных списках, составленных в Великом княжестве Литовского⁵. Правда во всех памятниках она подана с некоторыми отличиями, из которых видно, что существовало как минимум две летописные редакции. Наиболее целостно обе они представлены в памятниках новгородского летописания — Новгородской I и IV летописях (НІА и НІVА). Это едва ли случайно, по мнению Л.Л. Муравьевой в основе всех летописных повестей лежит фрагмент не сохранившегося смоленского летописания⁶. Однако сама исследовательница признавала *«условность... отнесения некоторых... записей к смоленским по происхождению»*⁷. Другие историки, занимавшиеся смоленским летописанием, не пришли к единому мнению о том, какие фрагменты текстов следует к нему относить и предлагали разные варианты⁸. Не все из них считали происходящими из собственно Смоленска известия о событиях 1401 г.⁹ а тем более, за 1404 г.¹⁰ Обе же записи сразу к смоленскому летописанию не относил никто. Такой разброс мнений объясняется отсутствием подлинных смоленских летописных памятников. В результате исследователи предлагали разные гипотезы об идентификации смоленских записей в других летописных сводах. Влияние смоленских погодных записей за 1401 и 1404 годы на иногороднее летописание предполагается лишь на том основании, что о смолянах здесь сказано наиболее подробно, и летописцы сочувствуют им в борьбе с Витовтом.

Сходные тексты о борьбе за Смоленск с литовцами в начале XV в. встречаются в летописях и памятниках, составленных на территории Великого княжества Литовского, которому город принадлежал с 1404 г. Следует иметь ввиду, что русские летописные памятники Великого княжества опираются на свод 1440-х гг., и в это самое время из Новгорода в Смоленск, а затем в Мстиславль, прибыл князь Юрий Лугвеньевич. Не мог ли он привезти с собой какие-то летописные тексты? В таком случае объясняется и наличие в Новгороде наиболее полных известий о событиях в Смоленске 1401 и 1404 гг., как и тот факт, что именно с 1440 г. новгородские и литовские летописные сведения о смоленских событиях начинают различаться, тогда как ситуация начала XV в. в них представлена сходно.

Действительно, сомнительно, что наиболее полные фрагменты не сохранившегося смоленского летописания за 1401 и 1404 гг. из захваченного литовцами города могли быть перевезены именно в Новгород, и оказаться там в центре внимания местных летописцев, тогда как другая их редакция оставалась бы в Смоленске, и только в 1440-х годах вошла в состав летописей западнорусских городов. Такая крайне избирательная сохранность смоленского летописания в виде считанных, но совершенно цельных погодных статей, при исчезновении всех прочих записей, едва ли возможна. А вот новгородцы, к которым после потери города в 1404 году поехал искать приюта смоленский князь, оказались заинтересованы в смоленских делах и вполне могли составить собственные записи об успехах Витовта в присоединении к Литве новых земель, не так уж далеких от их собственных южных и юго-западных рубежей.

Если в НИЛ дана краткая версия событий 1401 г., содержащая, впрочем, некоторые уникальные подробности, то НИВЛ более пространна, и тоже, в свою очередь, содержит некоторые новые данные. В соответствующей погодной записи НИВЛ рассказ об этих событиях приведен дважды, в виде двух несвязанных между собой повестей — одна почти дословно повторяет вышеуказанную запись НИЛ, а другая представляет собой уникальное, более обширное известие. Нечто подобное мы будем наблюдать в этом же источнике под 1404 г., но только там пространная версия событий выделена особым заголовком. Очевидно, краткие записи о смоленских событиях 1401 и 1404 гг. относились

к официальному новгородскому летописанию начала XV в. Составители НІVЛ, общий текст обоих изводов которой доходит до 1420-х гг., привычно переписали их, но вставили в те же погодные записи и более пространные аутентичные повести из каких-то иных, неофициальных новгородских хроник, вроде тех, откуда были почерпнуты сведения о жизни новгородца Матвея Михайлова¹¹ нигде, кроме НІVЛ, не отразившиеся. В других летописях либо воспроизведен один из этих вариантов, либо представлена определенная их компиляция. Поэтому мы будем ссылаться именно на новгородские летописи. Исследователи события 1401 г. обычно рассматривали довольно бегло, как один из эпизодов литовско-смоленских войн и проявление городской вечевой активности. Даже у П. В. Голубовского и Л. В. Черепнина, пожалуй, наиболее обративших внимание на эту ситуацию, мы встретим довольно краткий и простой пересказ летописей¹².

Итак, по данным НІVЛ Юрий Святославович и Олег Рязанский прибыли к городу в августе. Когда князья появились ввиду Смоленска, там, согласно тому же источнику, разыгрались «мятеж» и «крамола». Часть смолян была за власть Витовта, но остальные, уставшие от притеснений «иноверных ляхов» и налогов, захотели вновь видеть Юрия у себя на столе¹³. Под иноверными ляхами надо видимо понимать либо пришедших с Витовтом католических ксендзов, либо его людей польского происхождения. С. В. Полехов полагает, впрочем, что ляхами в тот век могли условно называть просто католиков любой национальности¹⁴. Но приведенное исследователем в пример свидетельство Симеоновской летописи о Свидригайле Лугвеньевиче («Ляхъ бе вероу») скорее, наоборот, показывает, что литвинов-католиков от этнических поляков современники отличали, подчеркивая лишь сходство по исповедуемой религии. Отметим также, что налогами в городах облагались именно незнатные социальные категории, поэтому князь, несомненно, имел поддержку среди широких слоев горожан.

Надо полагать, его сторонников оказалось большинство, так как их воля автоматически стала для всех сограждан законом. Когда Юрий отправил в город посла («сослasy с граждaне»), то «граждане Смоляне» «отвориша» ворота своему князю — «отчичу»¹⁵. Правда, согласно НІЛ, смоляне приняли князя уже «осенью»¹⁶. Началом же осени в старину считали середину сентября, когда справляли Осенницу. Но это либо

ошибка летописца, поскольку в то время жители другого города, не зная точной даты, могли ошибаться на несколько дней, а то и на пару декад, либо — что, впрочем, менее вероятно — Юрий прибыл в самом конце августа, и сел на княжеский стол уже в середине сентября. Но такое долгое стояние под городом скорее всего отразилось бы в источниках. По данным НИА и НИУЛ, когда Юрий Святославович вновь стал княжить в Смоленске, он убил прежнего литовского наместника, брянского князя Романа Михайловича¹⁷. Согласно НИУЛ, жену Романа Юрий отпустил, но взял в плен всех литовских чиновников, а осевших за время власти Витовта в городе брянских «*бояр*» и тех местных, что были приверженцами великого князя, — «*посекоша*»¹⁸.

Особая версия возвращения Юрия в Смоленск содержится в Никоновской летописи. По её версии смоленские «доброхоты» ещё в 1400 г. прибыли к князю в Рязань, где он гостил у тестя, призывая на княжение и уверяя в поддержке многих сограждан, что и послужило поводом его появления на следующий год. При том, князя «удобно время усмотривше, понеже» за два года до этого много литовских воинов пало в битве на Ворскле, и «*бысть тогда скорбь велиа и пустота людей в Литве*»¹⁹. Вдобавок, и смоленские «доброхоты» и Юрий могли воспользоваться тем, что именно в 1400–1401 гг., Витовт был занят поддержкой Жемайтии в борьбе с Ливонским Орденом. В походе, кроме Юрия и Олега Рязанского, согласно Никоновской летописи, участвовали «*Пронские*», а также «*Муромский и Козельский*» князья. Под пронскими князьями, надо полагать, прежде всего подразумевается Иван Владимирович, муромским же князем, вероятно, назван Федор Глебович, потерявший к тому времени свое княжение, но получивший, видимо, приют, или службу у Олега Рязанского. Подойдя к городу Юрий послал смолянам ультиматум — или они его примут, или погибнут. В источниках нет сведений, чтобы другие русские князья в таких случаях высказывали подобные угрозы, но Юрий, возможно, исходил из того, что его сторонники в большинстве, а пролитовское меньшинство можно будет смело казнить за измену. Горожане пустили его, хотя имелись и несогласные. Сел Юрий на смоленское княжение, по Никоновской летописи, в августе²⁰. Как мы видим, одна летописная версия в главном вполне дополняет другую. Вполне возможно, что из Рязани Юрия действительно вызвали смоленские послы.

Согласно НІҮА, «той же осенью» Витовт опять пришел с войском к Смоленску и попытался его взять²¹. По свидетельству НІА, великий князь прибыл со всей силой литовской и простоял под городом четыре недели, подвергнув его артиллерийскому обстрелу²². Кстати, это первое свидетельство о применении огнестрельного оружия против Смоленска, во время прежних осад оно не упоминается. Но, согласно обоим источникам, город не сдался, и Витовт отправился восвояси, взяв мир с Юрием по старине²³.

Иная информация содержится в позднем списке Быховца третьего летописного свода Великого Княжества Литовского XVI в. Затем этот рассказ был почти дословно воспроизведен и в более поздних хрониках Речи Посполитой — хронике М. Стрыйковского, а также Хронике Литовской и Жмойтской, где почему-то отнесен к «року 1412». В нем говорится, что Витовт, раздосадованный убийством своего наместника Романа Брянского, осадил Смоленск и взял его, выгнав Юрия Святославовича вместе с Олегом Рязанским, а сам казнил до 3000 смолян, повинных в убийстве Романа²⁴. Вероятно, поздние хронисты перепутали и смешали события 1401 и 1404 гг.

К сожалению, в настоящий момент у нас нет никаких надежных данных о внешних и внутренних смоленских укреплениях до конца XVI в, когда Ф. Конь выстроил знаменитую кирпичную Смоленскую крепость, фрагменты которой и ныне являются знаковыми сооружениями города. Попытки исследователей локализовать более ранние крепостные сооружения носят гипотетический характер. Даже остатки земляного вала, согласно новейшим данным, относятся уже к Московскому периоду и не имеют следов более раннего строительства. Тем не менее, из письменных источников XV — начала XVII вв. видно, что внешние укрепления города были деревянными. Есть несколько изображений начала XVII в., на которых видны стены и башни на земляном валу²⁵. Вывод о наличии земляного вала можно сделать и по тому, что едва ли одни деревянные стены сами по себе выдержали бы долгий артиллерийский обстрел 1401 г.

По сообщению НІҮА, после ухода Витовта, в Смоленске была «*кромла*», и «*людей посекоша много*», да вдобавок начался «*мор на людей*»²⁶. С чем последний был связан — не понятно. Вероятно, мор вызвали или усугубили тяготы почти месячного осадного сидения, ибо летописи не

сообщают о неурожае. Но суть крамолы и связанных с нею жертв подробнее показана в НИЛ. После отступления Витовта смоляне сошлись на вече и вместе с князем сурово наказали тех «своих» бояр, которые выражали приверженность литовскому великому князю²⁷. С чем были связаны такие их симпатии, не известно. Ясно лишь, что уже после осенней четырехнедельной осады города у Витовта обнаружались новые знатные приверженцы, которых Юрий, на этот раз заручившись вечевой поддержкой, казнил, как и предыдущих.

Надо сказать, что, когда литовцы снова захватили Смоленск в 1404 г., Витовт жестоко расправился со сторонниками Юрия, а верных себе бояр награждал разными льготами. Вероятно, именно про льготы и подумали некоторые смоленские бояре во время долгой и трудной осенней осады 1401 г. Ведь в отличие от простых горожан, они налогообложению не подлежали. Поскольку же осада, несомненно, тяжело далась всем, то, чтобы у этих бояр не появились новые сторонники, Юрий видимо решил не карать их своими силами, а устроить показательный массовый «процесс» — расправу руками сограждан. Для того, чтобы удерживать город, князь должен был опираться на поддержку горожан. Как мы знаем, на Северо-Востоке Руси вече, утратившее возможность выбирать князя, весьма ослабло в XIV в., а к XV в. вероятно и вовсе прекратило существование²⁸. Но Смоленск не знал ордынского ига и интронизации местных князей не зависели от ханской воли. Как видно по событиям 1401 и 1404 гг., вечники, а не только князь и княжеские бояре, принимали важные политические решения, связанные с призванием правителя, судом над согражданами и обороной города. При этом, конечно, трудно выявить подлинную политическую роль самого веча. Но, в сравнении с княжествами Северо-Восточной Руси, это был работоспособный орган, участвовавший в решении серьезных вопросов, в том числе внешнеполитического и военного характера.

Любопытно и то, что в летописи под 1401 г. казненные смоленские бояре были названы не княжескими, а «своими» по отношению к смолянам. Как показывают наблюдения над галицкой элитой, по данным русских и иностранных источников в Галиче, кроме дружинного боярства, была не служилая вечевая аристократия, «лучшие мужи», бояре «галичстии»²⁹. Существовала такая знать и в других землях, статья Русской правды о наследстве бояр и дружинников противопоставляет

русское боярство дружине³⁰. Не стоит исключать, что подобная прослойка власть имущих была и в Смоленске. Следует заметить, что обычно историки пишут только о княжеских смоленских боярах. Идею о наличии в городе как княжеских, так и «земских» бояр, высказал лишь А. Ю. Дворниченко, но доказательств не привел³¹. Однако, из той же НИА известно, что зимой 1186/87 г. была распря между князем и смолянами, в результате «*паде много голов лучших муж*», надо полагать, из числа городской верхушки: дружину «*лучшими мужами*» не называли и она в этой расправе поддерживала князя, не мог же он один вести борьбу против всего города³². В 1401 г. смоляне вместе с князем тоже казнили часть «*своих*», а не княжеских, бояр из числа городской аристократии. При этом, простые смоленские горожане не пользовались на вече реальным влиянием. Примечательна грамота Рижского епископа Смоленску 1281–1297 гг., где учтена воля князя и всех бояр, а участие в договоре других слоев населения не зафиксировано даже формально³³.

Таким образом, осенью 1401 года Витовт город не взял. Потерпел неудачу он и в 1403 г., когда поручил князю Семену Лугвеню захватить Смоленск и Вязьму, а тот смог взять лишь последнюю. Но уже в следующем году Витовту все-таки удалось добиться своего, и Смоленская земля на 110 лет вошла в состав Великого княжества Литовского.

Взятие Смоленска в 1404 году

Об осаде Смоленска 1404 г. сообщают русские летописи. Как было сказано выше, существуют две основные версии. Если известие Никоновской летописи, возможно, во многом основывалось на московском источнике, то другая версия, вероятно, связана с новгородским летописанием. Как и в случае со статьей за 1401 г., эта последняя представлена в разных летописных сводах и памятниках достаточно сходно, но некоторые особенности в деталях свидетельствуют о наличии двух редакций рассказа. Обе они в наиболее полном виде изложены в новгородских текстах. В Новгород после падения Смоленска уехал бывший князь Юрий Святославович. Немудрено, что новгородцы оказались весьма заинтересованы в смоленских делах, и именно их летописание сохранило ценнейшие известия про эти события. В кратком виде новгородская летописная версия содержится в НИА, в наиболее

полном — в НІVЛ, где помимо аналогичного краткого рассказа, есть более подробная повесть об осаде Смоленска, выделенная отдельным подзаголовком³⁴. Согласно этому источнику, Витовт подошел к городу весной, вместе с князем Семеном Ольгердовичем Лугвенем и его братьями Кирбутом и Свидригайлом, а также крупными воинским контингентом («*всей силой Литовской*»), простоял под укреплениями города 7 недель, обстреливая его из пушек, как и в прошлый раз. Однако князь Юрий Святославич «*со всеми смолянами*» затворились в осаде, «*град бе крепок*», и после бесплодных усилий Витовт должен был отступить на Великий день (Пасху), то есть в конце марта — начале апреля³⁵.

Семинедельный срок осады указан и в Никоновской летописи, содержащей самостоятельную повесть об этих событиях, вероятно московского происхождения³⁶. Таким образом, можно примерно установить время начала осады — первая половина февраля. Не исключено, что уход литовцев на Пасху был как-то связан с надвигающейся распутицей. В кратком варианте рассказа в НІЛ и НІVЛ почему-то назван трехмесячный срок осады³⁷. Вероятно, летописец объединил первый и второй приход Витовта с новой осадой, завершившейся 26 июня захватом Смоленска. Поскольку великий князь на Пасху ушел назад в Литву, а затем, вероятно получив весть об отъезде Юрия, должен был опять собраться с силами и потратить время на обратный марш до Смоленска, то едва ли он вернулся ранее середины мая. Тем более, что апрель — начало мая — это период распутицы, сильно замедляющий и осложняющий движение войска. Так что, в общей сложности, Витовт действительно осаждал город три месяца, но не за один раз, а за два. Уходя на Пасху, он нарочно предал округу города запустению. Согласно известию НІVЛ, литовцы уничтожили посевы, применяя типичную для средневековья тактику выжженной земли для ослабления потенциала врага³⁸.

Однако даже после отступления Витовта, Юрий не мог чувствовать себя в безопасности. Ведь Литва в то время была по сравнению со Смоленской землей огромным государством, способным отправить к стенам непокорного города новые силы. Было совершенно очевидно, что если Витовт будет повторять попытки овладеть городом, то Смоленск, несмотря на временный успех, едва ли сможет долго в одиночку

выдерживать их натиск. Поэтому, когда литовцы ушли, Юрий оставил княгиню на попечение своих бояр, велел ждать себя три «срока», и в сопровождении сына Федора с небольшой дружиной поехал в Москву, просить подмоги у великого князя Василия Дмитриевича, предварительно о чем-то «сославшись» с ним. Ехать в Рязань к тому времени было бессмысленно. Старый союзник Олег Рязанский умер, а его сын Федор сразу стал ориентироваться на Москву, обязавшись во всем подчиняться тамошнему великому князю, в том числе и во взаимоотношениях с Витовтом, с которым у Василия Дмитриевича был мир. В этой ситуации смоленскому князю было логичнее отправиться сразу в Москву, а поскольку дорога составляла около 400 км, то путь в оба конца с учетом распутицы едва ли занимал менее 7–10 дней. Но когда Юрий уехал, Витовт вновь подошёл к Смоленску с большими силами. Устюжская летопись, описывающая события осады близко к новгородской версии, даже уверяет, что литовский великий князь вернулся именно после того, как узнал, что Юрий в отъезде³⁹.

На этот раз Витовт смог захватить город, 26 июня, на Петров пост, смоляне отворили ему ворота, так как были не в силах терпеть голод и тяготы осады. Важно также учесть, что уверенности в скором приезде князя и ратной помощи из Москвы у них не было. В кратком варианте новгородского летописного повествования в капитуляции обвинены некие изменники⁴⁰. По мнению некоторых исследователей, это говорит о происках бояр⁴¹. Но так могли назвать в новгородском летописании и всех смолян, за то, что они не стали умирать с семьями в осаде и сдались врагу.

Иная, несколько отличная версия содержится в Никоновской летописи, основанной, возможно, на московских данных. Этот источник также говорит о весенней семинедельной осаде Смоленска с артиллерийским обстрелом, опустошений волостей и полей литовцами при отходе. При этом источник добавляет, что смоляне с князем крепко бились, а повествуя об отъезде Юрия, уточняет, что «сослался» он с Василием об «опасе» — возможности беспрепятственно проехать в Москву⁴². Любопытно, кстати, что согласно обеим летописным версиям, князь заперся в осаде с горожанами, тем самым источники подчеркивают их видную роль в обороне города. Сохранение в Смоленске вечевого уклада обеспечивало относительно большую значимость

земского ополчения, имевшего порой не меньшее значение, чем профессиональное дружинное воинство. От его настроения иногда зависел и исход войны. Вспомним, что в 1340 г. брянцы настояли на сдаче города Литве, а в 1392 г. княжеский боярин Румянец добился сдачи Нижнего Новгорода москвичам, получив согласие веча. Несмотря на то, что вече там на деле имело мало авторитета и Румянец наперед был уверен в своем успехе, важно другое — без вечевого ополчения князь воевать не мог. И смоляне в 1404 г. тоже не были исключением. Согласно обеим новгородским летописным версиям, город Витовту в отсутствие князя сдали именно вечники, а не княжеские бояре.

Правда, версия Никоновской летописи противоположна — сдали город вовсе не все горожане, а часть «*смоленских бояр*», то есть, видимо, городских, а не княжеских. После отъезда Юрия они учинили «*крамолу*» и тайно послали к Витовту весть, чтобы он шел к Смоленску с новой ратью, пока князь не прибыл обратно с московским войском. Витовт так и сделал, а те бояре ему открыли ворота Смоленска⁴³. В принципе, одна версия не исключает другую. Часть смоленских бояр после отъезда князя могла в тайне от большинства своих сограждан снестись с Витовтом. И это носило характер крамолы — такой термин в средневековой Руси означал самовольные действия меньшинства, не отвечающие воле большинства горожан. Даже в вечевом Новгороде, знаменитом своими столкновениями между городскими районами, были свои нюансы — один район мог спорить хоть со всем городом и это не считалось крамолкой, но крамольными воспринимались сходки горожан, нарушающие принципы районных и городской корпораций, тогда как в других городах это относилось именно к меньшинству, которое обделывало политические дела без вечевого согласия⁴⁴. Смоленские бояре в тайне от остальных горожан звавшие Витовта на княжение, безусловно, занимались «*крамольной*» деятельностью. Но потом уже все смоляне, устав от тягот осады и голода, очевидно отчаявшись ждать Юрия с московской подмогой и имея по причине неурожая мрачные перспективы, решились открыть ворота Витовту. Поэтому, когда тот снова вернулся, эти бояре могли уже действовать явно, не боясь расправы со стороны земляков. Но, не исключено, что версия о боярах-предателях была просто московской патриотической легендой, чтобы затушевать сознательную капитуляцию всего города.

Между тем, Юрий Святославович не добился помощи у Василия Дмитриевича. Он даже предлагал великому князю включить Смоленск в состав его московских владений, а сам был готов перейти к нему на службу. Однако Василий Дмитриевич отказал. Летописи описывают это немного по-разному, но все сходится на том, что великий московский князь не хотел ссориться с Витовтом. Ради мира он в свое время даже породнился с великим князем литовским, взяв в жены его дочь Софью. От этого брака пойдет род последующих князей и первых царей московских, до Ивана Грозного и Федора Иоанновича. Поскольку литовцы в течение многих лет совершали нападения на Русь, присоединили к себе ряд русских земель, (а в 1368 г. даже сожгли и разорили Москву), Василий Дмитриевич, как расчетливый политик, поддерживал с Литвой по возможности спокойные отношения. Уступив Смоленск, он старался отвести от своих владений угрозу с Запада, тем более что с востока сохранялась постоянная опасность татарских набегов.

Любопытно, что о поездке Юрия в Москву, в отличие от описания осады города, имеется целый ряд дополнительных уникальных известий — и в Тверском, и в Устюжском, и в Литовском, и в Псковском летописании. Новгородское летописание сообщает, что Василий не принял Юрия и княжения Смоленского, не желая изменить Витовту⁴⁵. Никоновская летопись оправдывает решение князя нежеланием нечестиво нарушить крестоцелование с Витовтом и боязнью его злого нрава⁴⁶. Тверское летописание добавляет, что Василий Дмитриевич изначально имел с Витовтом уговор не *«вступатися в Смоленск и съ Юриемъ не имети любве»* и впоследствии даже сообщил Витовту, что Юрий сел на Новгородском столе без его воли⁴⁷. Однако достоверность этого сообщения другими источниками прямо не подтверждается. Не стоит исключать и того, что это — тенденциозный миф, связанный с недружественными отношениями Москвы и Твери. В XIV в. эти два города серьезно боролись за лидерство на Руси, и только с середины XV в. тверские князья начали поддерживать с Москвой союзнические отношения, на деле, однако, стремясь к автономии и ориентируясь на ее тогдашнего внешнего геополитического противника в лице Литвы. Поэтому тверскому книжнику ничего не стоило показать московского князя в непривлекательном виде.

С другой стороны, согласно НІVЛ, а также весьма лояльной к московскому князю Никоновской летописи, Юрий поехал в Новгород из Москвы именно тогда, когда услышал, что Витовт хочет выдачи его лично⁴⁸. Это дает определенные основания допустить достоверность тверского рассказа. Интересно в этой связи и практически не используемое исследователями уникальное сообщение Устюжской летописи о том, что, узнав про взятие Смоленска, Василий Дмитриевич обвинил Юрия в обмане: сам приехал к нему, а смолянам велел сдать город Витовту. При этом, Василий поссорился со смоленским князем — возложил на него «нелюбье», после чего тот и поспешил в Новгород⁴⁹. Не ясно, на какие источники в данном случае опирался хронист из Устюга и насколько точна эта информация. Поэтому представляется не корректным доверять ей походя, как это делается в некоторых публицистических работах⁵⁰. Но Василий Дмитриевич действительно вел тонкую политику, что могло уже само по себе стать источником для разных легенд.

Следует также обратить внимание на уникальные известия Евреинского и Рачинского списков Второго летописного свода Великого княжества Литовского XVI в., которые также почти не использовались в историографии. Согласно им, Василий «*рекся ему [Юрию] на помоч людеи своих послати, а самого князя Юрия задержал у себе на те сроки* (которые Юрий просил смолян города Витовту не сдавать. — М. Н), *норовя тестю своему князю Витовту*»⁵¹. Любопытно, что историки, как правило, литовскую версию, равно как и Устюжскую, не рассматривают, отдавая предпочтение тверской и новгородской. Хотя еще С. М. Соловьев, кратко описывая историю сдачи Смоленска, констатировал, что одни источники говорят об отказе Василия помогать Юрию, но другие — что он обещал ему подмогу⁵². Как видим, по литовской летописной версии само это обещание было притворным, дабы оттянуть время и дать Витовту занять город. К сожалению, неизвестно, на какие источники эта версия опиралась, но надо отметить, что и она не лишена некоторых оснований. Это видно из времени, которое Юрий провел в Москве. Известно, что туда Юрий поехал из Смоленска с предварительного согласия Василия, «*сославшись*» с ним. При этом, Никоновская летопись добавляет, что Юрий договорился с Василием об «*опасе*», оформлявшимся в средневековой Руси особыми

«опасными» грамотами. Однако Василий I, будучи несомненно умным политиком, едва ли не понял, почему это вдруг Юрию, союзнику старого недруга Москвы Олега Рязанского, в такую годину понадобился визит в великокняжескую столицу. Но грамоту дал. Из русских летописей известно также, что Юрий отбыл из Москвы в Новгород уже после того, как узнал, что Смоленск пал. Псковские летописи относят его отъезд к 20 августа⁵³. Сами псковичи не переживали за судьбу смоленского княжения — не так давно Юрий обидел псковских купцов. Но его приезд в Новгород был для них значим, поскольку теперь Витовт мог пойти войной на их землю, как союзную новгородской. Поэтому сообщенная псковскими источниками дата вполне надежна. Юрий прибыл в Москву по-видимому примерно через 10–20 дней после Пасхи: князю надо было послать гонца за 400 км, успеть получить ответ и затем проехать этот путь самому. Следовательно, в Москве он провел до 20 августа около четырех месяцев и все надеялся, что Василий ему поможет. Но, в таком случае, тот, даже если и не давал прямого согласия, то по крайней мере не спешил с резким отказом и продолжал переговоры.

Это могло быть воспринято современниками как преднамеренное вероломство. Поэтому в целом слова литовского свода о том, что князь тянул время, соответствуют истине. Вероятно, летописец слишком прямолинейно передал обещания московского князя. Василий, будучи весьма осторожным политиком, скорее всего не лгал в столь откровенной форме, а отвечал Юрию более обтекаемо. К сожалению, мы почти ничего не знаем о личности великого князя Московского Василия I. Но, если судить по его делам, это был расчетливый государственный деятель, способный ради мира с сильным соседом уступить один из окраинных городов. К тому же с детства он прожил в качестве заложника несколько лет в Орде, что, очевидно, само по себе повлияло на характер князя и сделало его осмотрительным.

Узнав о сдаче Смоленска, Юрий прибыл в Новгород. Новгородцы его приняли у себя в качестве служилого князя и дали в кормление 13 городов — больше, чем любому из бывших служилых князей, традиционно довольствовавшихся лишь крепостями в Приневье, и иногда Русой в придачу. Служилые князья в Новгороде, в отличие от обычных князей, не были уполномочены управлять государством,

но действовали в качестве полководцев в случае войны. Со времен Александра Невского Новгород считался отчиной великих князей, но с XIV в., со времени возвышения Москвы при Калите, новгородцы регулярно принимали служилых князей литовских и русских. Юрий Смоленский был далеко не первым. Согласно Тверской летописи, именно переезд Юрия послужил поводом для Витовта объявить войну Новгороду и поддержавшему его Пскову⁵⁴. Литовские войска вошли в Псковскую землю и захватили город Коложе, в Новгород тоже были посланы размётные грамоты об объявлении войны. После этого Василий Дмитриевич уже не стал мириться с литовской экспансией, послал свои войска навстречу литовцам. Этим он дал понять, что его миролюбие и терпение не беспредельно, а литовского великого князя он не боится и не уступает ему в военном отношении. Но Смоленск так и остался в составе владений Витовта. К глубокому размирью с Литвой Василий, как видно, все-таки не стремился, верный своему принципу поддерживать с ней устойчивые взаимоотношения. Но теперь московский князь проявил к Юрию некоторую благосклонность — принял его на службу, дав в кормление московскую часть Торжка. Правда, тот там посидел недолго и сбежал в Рязанское княжество, не то ввиду драматической любовной истории, не то просто из-за кровавой междоусобицы с бывшим вяземским князем, тоже несшим теперь службу Василию. Сын же Юрия, Федор, остался в Новгороде служилым князем на долгие годы.

Захватив Смоленск, Витовт сурово наказал тех бояр, которые были преданы своему бывшему князю, конфисковал их имущество («*потоци*») и развел их по литовским местам, видимо с тем, чтобы они не могли вместе составлять особую корпорацию. Княгиню Юрия и охранявших ее бояр тоже отправили в Литву. Но, согласно Никоновской летописи, тех смолян, которые выразили ему лояльность, великий князь наделил разными льготами⁵⁵. Таким образом, Витовт проводил политику «кнута и пряника», показывая наглядно, как опасно проявлять неверность и как выгодно быть преданным.

После присоединения края к Литве, уже начиная с первой половины века, смоленское боярство становится единой социальной категорией, не подразделяясь больше на княжескую служилую элиту и городскую аристократию. Видимо, еще при Витовте, оно по примеру бояр других бывших древнерусских земель в составе Великого княжества Литовского,

было сведено в одну социальную группу. Собственного княжения город теперь не имел, великие литовские князья сажали своих наместников, воеводу и прочих чиновников, поэтому бывшие «*княжьи мужи*» утратили былую роль, составив наряду с вечевой элитой местную городскую аристократию. Любопытно, что уже с первой половины столетия, кроме бояр, смоленское общество включало лишь «черных людей» (мелкие ремесленники и торговцы, городская беднота) и мещан (состоятельные ремесленники и купцы). Об этом свидетельствует статья Супрасльской летописи под 1440 г., где перечисляются все свободные городские слои, присягавшие наместнику, от бояр до мещан и «черных людей»⁵⁶. Местных смоленских дворян уже не было, вероятно они объединились со служилым княжьем боярством в единое сословие смоленских бояр, или же их, как и часть бояр, казнили и выселили в 1404 г.

Несомненно, слияние двух категорий боярства в одну социальную группу, вкупе с организованными Витовтом репрессиями изменников и поощрением верных бояр, способствовало тому, что те теперь старались держаться литовских властей. Это проявилось во время «Великой замятни» 1440 г., когда в период междукняжия «черные люди» попытались выйти из-под власти Вильно и вернуть независимое смоленское княжение, тогда как все бояре сразу выступили против этого, поддержав литовского наместника, а затем и князя.

«Замятня» 1440 года

Смоленская «*замятня*» изучена относительно хорошо, особенно ее начало, связанное с восстанием «черных людей» и бегством бояр. Правда исследователи в основном рассматривали это событие в общем контексте смоленской и древнерусской истории. Имеется лишь два специальных исследования — В. Богданова и С.В. Полехова⁵⁷. Сам ход событий в основном не вызывает серьезных споров у ученых, но по-разному оценивается отношение смолян к литовским властям. Источники о смоленской «*замятне*» этого прямо не освещают, так как были написаны с официальных литовских позиций и для хронистов было важно лишь то, что горожане посмели восстать, нарушив крестоцелование наместнику. В этой связи возникает заманчивый простор для любых трактовок. Однако исследователи солидарны в том, что восстание «черных людей» было связано с некими социальными проблемами,

скажем недавними недородами 1430-х гг., а также признают, что смоляне хотели автономии от великокняжеской литовской администрации⁵⁸.

О ходе «Великой замятни» сообщает прежде всего Супрасльский список первого «белорусско-литовского» летописного свода XV в.⁵⁹ Кроме того, практически дословные тексты есть и в других, более поздних списках первого и второго литовского летописного свода, составленного в начале XVI в.⁶⁰ Несколько уникальных подробностей содержится в списке Быховца, третьего летописного свода Великого княжества Литовского XVI в.⁶¹ а также в русской НЛ Младшего извода, которая представляет собой самостоятельный источник⁶². Текст, практически дословный хронике Быховца, приводит и М. Стрыйковский, правда, со ссылкой на свидетельства Кромера и Длугоша⁶³. Но, как справедливо отметила А. А. Семенчук, Длугош об этом не упоминал, а М. Кромер переписал известие тех же литовских летописей, например хроники Быховца⁶⁴. Весьма интересно предположение С. В. Полехова о том, что в основе уникальных известий списка Быховца могли лежать рассказы рода Гоштольдов, один из представителей которого принимал участие в подавлении восставших смолян, на стороне Казимира Ягеллона. Как отметил исследователь, именно этот источник сообщает о наместничестве одного из Гоштольдов в Смоленске перед Андреем Саковичем⁶⁵. Наконец, стоит упомянуть лапидарное сообщение поздней Хроники Литовской и Жмойтской, о том, что смоляне выгнали из города «*литву*», призвав «*паном*» Юрия Лугвинича. Узнав об этом, Великий князь Казимир пожег земли под Смоленском и сам «*опанавал*» город⁶⁶.

Итак, в вербное воскресенье 20 марта 1440 г. в загородном замке Троки был убит великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович. Несколько дней спустя сидевший в Смоленске литовский великокняжеский наместник Андрей Сакович стал приводить смоленских бояр, мещан и «черных людей» к крестоцелованию, чтобы были ему верны и признавали нового великого князя, которого утвердит литовская знать⁶⁷. Такая присяга была совсем не лишней — тогда было не известно, кто сядет в Вильно. Малым Трокским замком владел сын убитого князя, а его убийцы хотели передать трон Свидригайлу, который скоро отправился из Молдавии в Литву. Поскольку от Троков до Смоленска около 500 км, весть об убийстве князя могла туда прийти не ранее, чем через несколько дней, то есть около 23–25 марта. Тогда же наместник

и привел к присяге смолян, от бояр до мещан и «черных людей». Но уже в среду на пасхальной неделе, то есть 30 марта, смоленские «черные люди» (кузнецы, кожемяки, «перешевники»-портные, мясники, котельники) собрались вместе и, вопреки недавнему крестоцелованию, «сдумаша» силой выгнать Андрея Саковича из города. Затем они одели «зброи» — доспехи, вооружились серпами, косами, луками, стрелами, и секирами, а затем, по сигналу колокола, стали собираться на бой⁶⁸. В Слуцком и некоторых иных поздних летописных списках вместо луков указано, что у восставших были стрелы и сулицы⁶⁹. Впрочем, стоит заметить, что в нескольких поздних списках, как и в Супрасльском, значатся именно луки⁷⁰. С. В. Полехов полагает, что упоминание про сулицы — более поздняя вставка, поскольку луки явно ближе по смыслу к стрелам, чем эти легкие метательные копья⁷¹. Не исключено, однако, что последние действительно были у повстанцев наряду с иными видами оружия, как более удобные в пешем бою, а луки просто имелись ввиду вместе со стрелами. Что касается секир у «черных людей», то вероятно они не были боевыми. Известно, что на Руси так иногда именовали обычные хозяйственные топоры, и на старом белорусском языке, формировавшемся в том столетии на территории русских земель в составе Великого княжества Литовского, кстати, тоже⁷². Также в некоторых поздних списках литовских сводов это оружие восставших названо не секирами, а топорами⁷³. Важно также отметить, что все эти виды оружия дешевле копий и сабель, наиболее удобны для пешего, а не конного боя, за исключением разве что универсальных сулиц. Городская беднота в основном не могла себе позволить за собственный счет приобрести хороших боевых коней. В некоторых списках добавлено, что вооруженные «черные люди» сошлись не просто по звону колокола, но «звону», или «колоколу», «ратному»⁷⁴. Это иногда переводят, как «радный», то есть — вечевой⁷⁵. На первый взгляд, такая трактовка кажется интересной, тем более, что в этих же списках предварительное совещание восставших об изгнании наместника на польско-литовский манер названо «радой»⁷⁶. Но, по общему смыслу рассказа, при таком прочтении получается тавтология. Ведь мятежники еще до этого собирались на сходку, учинили «раду», где «сдумаша» изгнать наместника. Теперь же получается, что в доспехах и с оружием в руках они вновь собрались, чтобы всем вместе двинуться к его дому.

Поэтому, по смыслу логичнее читать именно *«ратный»*, то есть созывающий на рать. Вероятно, в городе имелся специальный колокол для этих целей, с особым голосом, вроде набата в Московской Руси.

Любопытно, что восстание в летописи описано именно как бунт городской черни, да и характер вооружения повстанцев выдает их бедность. Между тем, как показал С. В. Полехов, основываясь на материалах «Книги данин Казимира» из состава Литовской метрики, в восстании участвовали и состоятельные *«вечники»*, имевшие села за городом, — очевидно, преуспевающие ремесленники и купцы, которых в Великом княжестве Литовском называли мещанами. Их земли Казимир IV впоследствии за мятеж раздаст своим людям⁷⁷. В случае войны такие мещане, надо полагать, могли себе позволить и коня, и копье, и саблю. Но, вероятно, торгово-ремесленная верхушка составляла меньшинство и почти терялась в море городской бедноты. И для современников это выступление было именно восстанием «черных людей», соответствующим образом вооруженных. Массовое движение городской черни склоняет к выводу о том, что поводом к нему могли послужить какие-то налоги, которые рядовые смоляне, видимо, еще не оправившиеся после недавних недородов, свободно выплатить не могли. Тогда понятна поддержка со стороны мещан, которые тоже относились к податной категории и, вероятно, решили воспользоваться моментом и избавиться от лишних поборов.

Узнав о восстании бедноты, Андрей Сакович посоветовался со смоленскими боярами, которые предложили оказать вооруженное сопротивление, найдя это лучшим, чем без боя попасть в руки черни. Схватка произошла в тот же день у церкви Бориса и Глеба в *«городе»*. Ее обычно локализуют в городской застройке, в отличие от знаменитой пригородной одноименной Смядынской церкви⁷⁸. Однако, находившимся в *«городе»* на Руси обычно считалось сооружение, возведенное в черте внутренних укреплений — Кремле, Детинце. Любопытно, что еще Д. Н. Мурзакевич писал о расположении этого храма в городском *«замке»*⁷⁹. Поэтому на роль Борисоглебской церкви претендует, на наш взгляд, безымянный бесстолпный домонгольский каменный храм, обнаруженный в ходе археологических раскопок на Соборной горе и являвшийся единственной тамошней культовой постройкой, кроме кафедрального Успенского собора. Этот храм по характеру каменной

кладки напоминал Смядынский храм Бориса и Глеба, основанный в XII в. князем Ростиславом Мстиславовичем⁸⁰. Вполне возможно, что этот князь почтил память данных святых храмовым строительством не только на Смядыни, но и в детинце.

Вероятно, «черные люди» специально пошли на Соборную гору, где жили в средневековые городские правители, чтобы там свести с ними счеты. Но они проиграли — наместник и бояре были профессиональными конными воинами, сражавшимися копейным боем, поэтому многих «черных людей» побили и ранили, а прочих обратили в бегство. Однако в ту же ночь победители сами скрылись из города, так уже не чувствовали себя здесь в безопасности. Как верно отметил Л. В. Черепнин, летописец нарочито пытался скрыть это, победно повествуя о «бегстве» разгромленных повстанцев и представляя побег наместника и бояр под покровом ночи в виде обыкновенного «отъезда»⁸¹. Они уехали не только потому, что они боялись нового натиска беспокойной черни, как полагают исследователи⁸². В то время еще не было ясно, кто станет новым великим князем. Об утверждении князьями и панами 12-летнего Казимира Ягеллончика стало известно позднее. Лишь летом часть литовской элиты доставит его из Польши и настоит на признании великим князем. Поэтому было не исключено, что, воспользовавшись безвластием, многие видные князья начнут прибегать к рукам литовские области, опираясь на таких вот худородных повстанцев, как и поступит далее Юрий Лугвеньевич. Правда, когда наместник с боярами бежали из города, там еще оставался «маршалок» Петрыка. Но смоляне покончили с ним, утопив в Днепре, а воеводой к себе позвали Андрея Дмитриевича, из рода Дорогобужских князей.

После этого, согласно уникальному известию списка Быховца, смоленские бояре не захотели иметь в своем городе такого воеводу и отправились к уже севшему на великое княжение Казимиру Ягеллончику, жаловаться на своеволие простых людей⁸³. А.Ю. Дворниченко полагает, что часть бояр оставалась в городе и после бегства Андрея Саковича, уехав только теперь, не пожелав подчиняться избранному «черными людьми» новому воеводе⁸⁴. Но источник не сообщает, что бояре прибыли к Казимиру прямо из Смоленска. Надо полагать, что это всё те же бояре, сбежавшие с Андреем Саковичем, поспешили заручиться поддержкой нового великого князя Литовского. Вести из

Смоленска о казни маршалка и избрании нового воеводы явно дали им понять, что вернуться можно только захватив мятежный город силой.

Так как смоленские бояре поехали к Казимиру уже непосредственно как к великому князю, а утвердился он на княжении 29 июня, то получается, что вышеуказанные события происходили летом. При этом Петрыку казнили либо за считанные дни до вокняжения Казимира, либо в самые первые дни его правления — в Супрасльском списке рассказ об утверждении князя идет непосредственно после сообщения о расправе «черных людей» над «*маршалком*»⁸⁵. Таким образом, в течении трех месяцев, с 31 марта по конец июня, смоляне с этим «*маршалком*» в городе сосуществовали. Тогда не являлось ли его убийство следствием известий о прибытии из Польши Казимира? Ведь даже если маршалка убили немного раньше его утверждения в Вильне, то все равно тогда уже было ясно, что вопрос о кандидатуре великого князя решен. Опасаясь попытки Ягеллончика вернуть город под власть Вильны, смоляне могли избавиться от старого маршалка и посадить нового, более надежного воеводу, не заинтересованного в столичной опеке. Тогда и визит к Казимиру смоленских бояр приобретает иное значение — они встали на сторону именно новой великокняжеской власти.

Далее, по тому же списку Быховца, узнав про поездку бояр к Казимиру, «*простые люди*» Смоленска призвали себе на стол соседнего князя Юрия Лугвеньевича⁸⁶. Супрасльский список утверждает, что смоленские бояре уже прибыли из Литвы и попытались вернуться в город, ссылаясь на вокняжение Казимира, но «черные люди» их не пустили, после чего обратились к Юрию Лугвеньевичу⁸⁷. Впрочем, эти две версии не противоречат друг другу. Узнать о поездке бояр в Вильно смоляне могли и от них самих. Очевидно, источники просто дополняют друг друга. Это заставляет с особым интересом отнестись к другим известиям списка Быховца.

Согласно Супрасльскому списку, не сумев войти в Смоленск бояре разъехались по своим селам. Но «*потом*» между ними и «черным людом» вспыхнул какой-то новый конфликт — «*брань*», так что смоляне, хотя и не допустили бояр в город, но, тем не менее, «*бояся их*». Тогда-то, по данным того же источника, они и призвали Юрия Лугвеньевича, который смоленских бояр заковал в кандалы, а их села раздал своим собственным⁸⁸. Будучи человеком своего времени, он опирался прежде всего на знать. Да и сами смоляне ни коим образом не

намеревались произвести социальную революцию, а рассчитывали на отдельные конкретные улучшения при новых правителях. Князь был призван как защитник, вместе со своими профессиональными войнами — боярами и дворянами. Юрий был сыном того самого Семёна Ольгердовича Лугвеня, что осаждал Смоленск в начале столетия. В 1435 г. он потерпел поражение от Сигизмунда и бежал в Новгород. В 1440 г., после гибели своего врага, вернулся оттуда в Литву и получил от нового великого князя Казимира Мстиславль и Кричев во владение, но Юрий не удовольствовался этим, желая стать сильным и независимым господарем обширных земель стал прибирать к рукам окрестные области. Такой большой торговый центр как Смоленск был для него выгодным приобретением, тем более, что смоляне сами призвали его.

Согласно Супрасльскому списку, уже *«той же осени»* Казимир послал на Смоленск большое литовское войско⁸⁹. Список Быховца прямо называет причину похода — князю стало *«жаль»*, что Юрий Лугвеньевич раздал своим боярам имения смоленских бояр, а сам *«умыслил»* ему не подчиняться⁹⁰. По свидетельству Супрасльского списка, литовские войска осадили город, простояв под ним от Филипповых запусков (14 ноября) две с половиной недели (*«полтреди недели»*), то есть примерно до 1 декабря⁹¹. Затем они отступили, так и не взяв Смоленск, но разорив монастыри и посады, поубивав и пленив там какое-то количество людей. Здесь правда не ясно, идет ли речь о не укрепленных предместьях⁹², или литовцам все-таки удалось занять городские кварталы, прорвавшись через внешние стены. Однако и смоляне во главе с Юрием Лугвеньевичем тоже воевали на славу. В немецком донесении магистру Ордена от 1441 г. сказано, что князь отбил у литовцев 400 лошадей, или более⁹³.

Но далее ситуация стала во многом напоминать летние события 1404 г. Согласно уникальному сообщению НИА, после отступления литовцев Юрий Лугвеньевич поехал в Москву, видимо за подмогой, как некогда его тезка Юрий Святославович. Оттуда же, надо полагать, не добившись помощи, — в Новгород⁹⁴. Бегство Юрия отнесено летописцем к *«осени»*. То есть, как справедливо заметил С. В. Полехов, он покинул Смоленск до 25 декабря, ибо осень в то время оканчивалась этим днём⁹⁵. Новгородский хронист сообщает, что князь испугался своего безрассудного стремления удержать власть в городе и ретировался оттуда⁹⁶. Список Быховца уверяет, что отъезд князя из Литвы был

связан с тем, что он испугался Казимира «гнева»⁹⁷. Надо полагать, что, как и последний смоленский Рюрикович, он не мог не понимать, что, несмотря на временные успехи, Смоленск не сможет долго выдерживать натиск огромного Великого княжества Литовского и, чтобы отстоять самостоятельность, нужно заручиться поддержкой Москвы. Но не исключено, что упоминание в источнике Казимира имеет и еще одно значения — Юрий мог узнать, что юный великий князь будет на этот раз лично командовать штурмом. Действительно, согласно этому же списку хроники, когда Казимир узнал об отступлении литовцев, то решил возглавить поход на Смоленск «своей головой», собрал большое войско и с ним отправился брать город. По летописи, это тоже произошло в пределах «той же осени», то есть до 25 декабря 1440 г.⁹⁸ Видимо литовцы вновь осадили Смоленск уже в двадцатых числах декабря, так как Казимир должен был успеть получить весть об отступлении своих отрядов от города, собрать новые силы и привести их из Литвы.

И на этот раз, как в 1404 г., оставшийся без князя город сдался. При чем летопись пишет об этом как о закономерном событии, произошедшем как бы само собой, без усилий со стороны Казимира: когда Юрий отъехал, Казимир подошел к городу и вновь посадил в него наместником Андрея Саковича⁹⁹. Видимо, смоляне, не надеясь на скорое возвращение князя, сдали город сами и достаточно быстро. Важно иметь в виду, что в средневековой Руси, в силу традиционализма средневекового сознания, участие князя в битве в качестве полководца считалось настолько естественным, что бывали случаи, когда его отсутствие автоматически приводило войско к поражению или сдаче города¹⁰⁰. Вероятно, так же было в Смоленске в конце 1440 г. и сам факт отсутствия князя сыграл решающую роль.

Дата капитуляции города не известна. Это было либо в конце декабря 1440 г., либо в самом начале января 1441 г. Поэтому едва ли верно утверждать, что Казимир захватил город именно в декабре 1440 г.¹⁰¹ или что литовская власть была восстановлена только в 1441 г.¹⁰² Великий князь достаточно сурово расправился с восставшими. С. В. Полехов, на основе данных «Книги данин Казамира» Литовской метрики, выявляет несколько случаев, когда одни люди были лишены городских дворов, другие, надо полагать побогаче, в ходе конфискации имущества лишились загородных сел, третьи вовсе утратили свой прежний

свободный статус и были розданы землевладельцам в их новые загородные деревни в качестве зависимых людей¹⁰³. Видимо последние как раз относились к летописным восставшим «черным людям», городской бедноте, которую наказали за мятеж самым суровым образом, поскольку прочие лица потеряли имущество, но не свободу, сохранив свой прежний социальный статус. Менее обоснованным кажется утверждение С. В. Полехова, что один из ремесленных городских дворов примерно в то же время прекратил свою деятельность именно из-за репрессий Казимира¹⁰⁴. Согласно археологическим данным, жизнь на этом дворе замерла скорее не на рубеже 30-х — 40-х гг., а после 40-х гг. XV столетия¹⁰⁵. Но и привлеченные историком материалы Литовской метрики сами по себе достаточно хорошо говорят о том, что с беднейшими обходились хуже. Юный Казимир дал понять смолянам, что он не потерпит неповиновения в своей земле.

Что касается смоленских бояр, плененных Юрием, то их видимо, освободил Казимир. Известно, что в источниках последующих десятилетий фигурируют *«паны и бояре Смоленские»*. Если под панами стоит понимать литовских управленцев, то бояре — это местные, русские аристократы. Если бы смоленская знать при Казимире пополнялась исключительно из среды его людей, поляков и литвинов, их всех бы тоже именовали панством.

Отныне и до начала XVI в. город прочно находился под властью литовских наместников и русские великие князья в этот период не пытались вернуть его. Василий Темный вскоре даже заключил договор с Казимиром о том, что не будет притязать на Смоленск, хотя при этом оказывал русскому православному населению города демонстративную «идеологическую» поддержку. Победив своего заклятого врага Дмитрия Шемяку в борьбе за великокняжескую власть, прочно утвердившись на московском престоле, он 19 января 1456 г. отправляется в поход на Новгород, чтобы проучить его и заставить впредь не принимать самовольно своих недругов. За день же до отъезда Василий торжественно отправил в Смоленск икону Богородицы. Лишь в начале XVI в. Иван III, объединивший под властью Москвы основные русские земли и избавивший страну от ордынского ига, во время войны с Литвой попытается в 1502 г. отвоевать город, но не удачно. До самого недавнего времени точной причины отступления русских войск от

Смоленска не было установлено. В распоряжении ученых были лишь разноречивые показания летописей, которые связывали ее не то со своеволием служилых людей, без предупреждения разбредавшихся по краю для грабежей, не то с опасением приближавшегося к городу сильного литовского войска. На этом основании исследователи констатировали неудачу русских войск и предполагали, что они тогда еще просто не умели эффективно штурмовать крепости¹⁰⁶. Но, как показал В. В. Пенской на основе не привлекавшихся прежде исследователями материалов дипломатической переписки Ивана III с крымским ханом, русские под Смоленском испытали сильную бескормицу, которая послужила основной причиной неудачи¹⁰⁷. Вероятно, с этим и связан отмеченный летописцем массовый произвольный уход детей боярских, рассеявшихся по региону для грабежей. Очевидно поэтому было принято решение об отступлении, поскольку такое неорганизованное воинство трудно было мобилизовать для надежного отпора движущимся к городу свежим литовским силам. Лишь сын Ивана III, Василий III, смог взять Смоленск в 1514 г. С тех пор город почти на сто лет вошел в состав Русского государства. Смоленское боярство при новой власти снова потерпело социальные трансформации, став основой для формирования смоленского служилого города, не раз прославившего себя и Отечество в период Московского царства.

Как видно, Смоленск имел хорошие городские укрепления, позволяющие выдерживать длительные артиллерийские обстрелы, и успешно обороняться. В 1401 г. город благополучно выдержал почти месячную осаду Витовта, в 1404 г. — семинедельную, в 1440 г. — в течение 2,5 недель. При этом и в 1404 г., и в 1440 г. литовцы смогли взять Смоленск лишь со второй попытки. Однако сам по себе он не мог долго выдерживать натиск со стороны всего Великого княжества Литовского и смоленские князья это понимали. Но неспособность получить поддержку из Москвы мешала им удерживать город долго, князья понапрасну ездил в русскую великокняжескую столицу, а смоляне, не будучи уверенными в скором прибытии помощи, отказывались продолжать переносить тяготы осады и сдавали город вновь подоспевшим литовским ратям. Только после объединения Русских земель в единое сильное государство с хорошо организованным служилым войском, Смоленск вошел в состав Московской Руси.

Ссылки

¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV — XV вв. — М., 1960. — С. 711–713, 772–779.

² Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Основные черты социального и политического строя. — СПб., 1993. — С. 191–194.

³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 184, 186.

⁴ Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII — начала XV века. — М., 1983. — С. 265.

⁵ См. напр.: ПСРЛ. — СПб., 1851. — Т. 5. — С. 252–253; Там же. — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 75–77; Там же. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 48–49, 97–98, 140, 174–175, 281, 331–332, 392–393; Там же. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 139; Там же. — М., 1980. — Т. 35. — С. 52–53, 73–74, 161–162, 229–230; Там же. — М., 2000. — Т. 3. — С. 397–398; Там же. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 391, 395–396; Там же. — М., 2000. — Т. 24. — С. 168–170; Там же. — М., 2000. — Т. 25. — С. 231–233; Там же. — М., 2007. — Т. 18. — С. 149–151.

⁶ Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII — начала XV века. — С. 246–271

⁷ Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII — начала XV века — С. 267.

⁸ Ср.: Тихомиров И. А. Обзорение московских летописных сводов // Летопись занятий Археографической комиссии. — СПб., 1895. — Вып. 10. — Отд. 1. — С. 17, 24, 56–57; Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. — 1901. — № 11. — С. 57–58; Иконников В. С. Опыт русской историографии. — Киев, 1908. — Т. 2. — Кн. 1. — С. 521–522; Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. — Л., 1930. — Сер 7. — Вып. № 9. — С. 735–736; Приселков М. Д. История русского летописания XI — XV вв. — Л., 1940. — С. 132.

⁹ Иконников В. С. Опыт русской историографии. — Т. 2. — Кн. 1. — С. 521–522; Тихомиров И. А. Обзорение московских летописных сводов. — С. 17, 24, 56–57; Приселков М. Д. История русского летописания XI — XV вв. — С. 132.

¹⁰ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — С. 57–58.

¹¹ Бобров А. Г. Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРА. — СПб., 1999. — Т. 51. — С. 131.

¹² Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. — Киев, 1895. — С. 332–333; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. — С. 711–712.

¹³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 391.

¹⁴ Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. // Исторический вестник. — М., 2014. — Т. 7 (154). — С. 171. Прим. 51.

¹⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 391.

¹⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 397.

¹⁷ Там же; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 391.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 184–185.

²⁰ Там же. — С. 186.

²¹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1 — С. 391.

²² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 397.

²³ Там же; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1 — С. 391.

²⁴ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi — Warszawa., 1846. — Т. 2. — S. 120; ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 517–518; ПСРЛ. — М., 1975 — Т. 32. — С. 77.

²⁵ Сапожников Н. В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости в 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. — М., 1991. — С. 51–59.

²⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 391.

²⁷ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 397.

²⁸ Несин М. А. Вече в Северо-Восточой Руси после Батыева нашествия // Европа в Средние века и Раннее Новое время, общество, власть, идеология: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 2–3 декабря 2013 г. — Ижевск, 2014. — С. 157–164.

²⁹ Несин М. А.: 1) Галицкое вече в событиях 1187–1188 г. // Русин: Международный исторический журнал. — 2009. — № 3 (17). — С. 35–36; 2) Галицкое вече при Ярославле Осмомысле // Там же. — 2010. — № 1 (19). — С. 79, 93–94. Прим. 70; 3) К истории происхождения Галича // Там же. — 2010. — № 3 (21). — С. 66; 4) Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205–1229 гг. // Там же. — 2011. — № 2 (24). — С. 9–10; 5) Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1235–1240-х гг. // Там же. — 2012. — № 4 (30). — С. 93, 97; 6) Галицкое вече и Роман Галицкий // Там же. — 2013. — № 2 (32). — С. 33–34.

³⁰ О заднице боярстеи и о дружбинеи // Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. — М., 1953. — С. 106.

³¹ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). — С. 221.

³² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 38, 239.

³³ Гильдебранд Г. Немецкая контора в Полоцке // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Рига, 1879. — Т. 2. — С. 45; Несин М. А. 1) Галицкое вече в 1187–1188 гг. — С. 45–46. Прим. 42; 2) Социальная организация Новгородского веча // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. Конференции 17–18 ноября 2011 г. — В. Новгород, 2013. — С. 74.

³⁴ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3 — С. 398; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 395.

³⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 396.

³⁶ ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 189.

³⁷ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3 — С. 398; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 395.

³⁸ ПСРА. — М., 2000. — Т 4. — Ч. 1. — С. 396.

³⁹ ПСРА. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 41.

⁴⁰ ПСРА. — М., 2000. — Т. 3 — С. 398; ПСРА. — М., 2000. — Т 4. — Ч. 1. — С. 395.

⁴¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. — С. 713; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). — С. 192.

⁴² ПСРА. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 189–190.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Несин М. А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1229–1234 гг. // Русин: Международный исторический журнал. — 2011. — № 3 (25). — С. 54–58. По поводу этого новгородского материала о «крамоле» с нами вступил в дискуссию П. В. Лукин (Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. Дисс. ... докт. ист. наук. — М., 2014. — С. 246–247) Однако исследователь не обратил внимания на приведенные нами летописные свидетельства о том, что один конец или даже улица могли спорить сразу с несколькими городскими концами и это не считалось крамолой. Собрание же крамольников 1228 г. на Ярославовом дворе явно не включало в себя всего города — «весь город» собрался уже на другой день (ПСРА. — М., 2000. — Т. 3. — С. 68). Оно также не являлось собранием ни цельных кончанских и уличанских общин, ни какой-либо из «сторон» города, в таких случаях новгородские летописи о них сообщают. Любопытно, что произошедшее на другой день выступление «всего города» против тысяцкого и других лиц уже летописцем с крамолой не связано, хотя он считал его большим «злом», на что указал П. В. Лукин (Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. — С. 247). Кстати, это опровергает и другую гипотезу исследователя, что летописец был приверженцем смещенного владыки. Разорение дворов тысяцкого, владычного стольника, липенского старосты и других лиц было для него большим злом, чем смена архиепископа. Однако между злом и крамолой была та разница, что первое — оценка моральная, а вторая — юридическая, ибо речь идет не о добре и зле как таковых, но о нарушении законности. Поэтому думается, что и в «кормольниках», казненных в 1291 г., не следует видеть обычных рыночных грабителей (Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. —

С. 247). В новгородских источниках XIII–XIV вв. известно несколько случаев грабительских налетов «злых челоуцев» на чужое имущество. Но летописи никогда их крамольниками не называли. Крамолой в Новгороде считалась именно политическая деятельность, нарушающая вечерую законность, а не просто злые дела, или грабежи.

⁴⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 396

⁴⁶ ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 189.

⁴⁷ ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. 15. — Стб. 441.

⁴⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С.396; ПСРЛ. — СПб., 1897. Т. 11. — С. 190.

⁴⁹ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 41.

⁵⁰ Широкоград А.Б. Русь и Литва: Рюриковичи против Гедиминовичей. — М., 2004. — С. 54.

⁵¹ Цит. по: ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб., 332, 393; ПСРЛ. — СПб., 1980. — Т. 35 — С. 162, 230.

⁵² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1998. — Кн. 2. — Т. 4. — С. 18.

⁵³ Псковские летописи (далее — ПЛ). — М., 1955. — Вып. 1. — С. 40–41; Там же. — Вып. 2. — С. 111.

⁵⁴ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 471.

⁵⁵ ПСРЛ. — СПб., 1897. — Т. 11. — С. 189.

⁵⁶ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 68; ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 60.

⁵⁷ Богданов В. Смоленское восстание «черных людей» в 1440 году // Борьба классов. — М., 1936. — № 2. — С. 51–55; Полехов С.В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 160–197.

⁵⁸ См. напр.: Мурзакевич Д.М. История губернского города Смоленска. — Смоленск, 1804. — С. 53–55; Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. — М., 1900. — С. 105, 107; Бугославский Г.А. О Борисоглебской церкви г. Смоленска // Смоленская старина. — Смоленск, 1909. — Вып. 1. — Ч. 1. — С. 177–194; Halecki O. Dzieje unii Jagiellońskiej. — Kraków, 1919. — Т. 1: W wiekach średnich. — S. 341–342; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. — Warszawa, 1930. — Т. 1 (1377–1499). — S. 228–229, 232; Богданов В. Смоленское восстание «черных людей» в 1440 году. — С. 51–55;

Jablonowski H. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischen Bevölkerung des Großfürstentums Litauen im 15. Jh. (Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. 2.). — Leiden, 1955. — S. 106–109; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. — С. 772–779; Хорошкевич А. Л. Городские движения на Руси второй половины XIII — начала XVI в. // Социально-экономическое развитие России. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина. — М., 1986. — С. 45–46; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). — С. 193–194; Варонін В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі. Гістарычны партрэт. — Мінск, 2010. — С. 22–29; Ластовский Г. А. Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII — начале XVI века. — Минск; Смоленск, 2001. — С. 126, 132–134; Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 160–197.

⁵⁹ ПСРА. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 68; ПСРА. — М., 1980. — Т. 35. — С. 60.

⁶⁰ ПСРА. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 108, 183, 287, 339, 399; ПСРА. — М., 1980. — Т. 35. — С. 77–78, 109–110, 143, 164–165, 190–191, 211, 232–233.

⁶¹ ПСРА. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 539–540.

⁶² ПСРА. — М., 2000. — Т. 3. — С. 420.

⁶³ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi. — Т. 2. — S. 208–209.

⁶⁴ Семенчук А. А. К вопросу об источниках хроники Мацея Стрыйковского // Славяноведение. — 2014. — № 2. — С. 68.

⁶⁵ Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 164.

⁶⁶ ПСРА. — М., 1975. — Т. 32. — С. 79.

⁶⁷ ПСРА. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 68; ПСРА. — М., 1980. — Т. 35. — С. 60.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ПСРА. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 108, 183, 543; ПСРА. — М., 1980. — Т. 35. — С. 77–78, 109–110, 143, 164–165, 190–191.

⁷⁰ ПСРА. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 287, 339, 399; ПСРА. — М., 1980. — Т. 35. — С. 211, 233.

⁷¹ Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 184. Прим. 109.

⁷² Словарь древнерусского языка. — М., 2000. — Т. 24. — С. 38;

Гістарычны слоўнік Беларускай мовы. — Мінск, 2012. — Вып. 31. — С. 190–191.

⁷³ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб., 183, 287, 339, 399; ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 211, 233.

⁷⁴ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб., 183, 287, 339, 399; ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 143, 164, 191, 211, 232.

⁷⁵ Черепнин А. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. — С. 772–773.

⁷⁶ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб., 183, 287, 339, 399; ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 143, 164, 191, 211, 232.

⁷⁷ Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 167–195.

⁷⁸ Богуславский Г. А. О борисоглебской церкви на Смядыне г. Смоленска. — С. 174–194; Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 182.

⁷⁹ Мурзакевич Д. М. История губернского города Смоленска. — С. 54.

⁸⁰ Воронин Н. Н. Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII — XIII вв. — Л., 1979. — С. 101.

⁸¹ Черпнин А. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. — С. 773.

⁸² Ср. напр.: Мурзакевич Д. М. История губернского города Смоленска. — С. 54; Черпнин А. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. — С. 773; Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 186.

⁸³ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 540.

⁸⁴ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). — С. 194.

⁸⁵ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 68; ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 60.

⁸⁶ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 540.

⁸⁷ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 68; ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 60.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 540.

⁹¹ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 68; ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 60.

⁹² Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 189. Прим. 133.

⁹³ Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch. — Riga; Moskau, 1889. — Bd. 9. — № 684. — С. 481.

⁹⁴ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 420.

⁹⁵ Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 189. Прим. 134.

⁹⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 420.

⁹⁷ ПСРЛ. — СПб., 1907. — Т. 17. — Стб. 540.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 2. — Стб. 446, 724–725; Несин М. А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205–1229 гг. — С. 12.

¹⁰¹ Ср: Богданов В. Смоленское восстание «черных людей» в 1440 году. — С. 55.

¹⁰² Ср: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. — С. 778.

¹⁰³ Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 192.

¹⁰⁴ В примечании эта гипотеза высказана исследователем более осторожно, но в самом тексте статьи автор излагает ее как доказанный факт, приводя примером особо строгих мер именно против беднейших мятежников. См.: Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. — С. 192. Прим. 146.

¹⁰⁵ Полонская М. Ю. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). — М., 1991. — С. 120–121.

¹⁰⁶ См. напр: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 428–430.

¹⁰⁷ Пенской В. В. Поход Дмитрия Жилки и первая осада Смоленска русскими в 1502 году // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. — СПб., 2011. — Ч. II. — С. 216.